

Некий крупный коммерсант из Хабаровска по фамилии Стрекозин владел рядом элитных магазинов и все расширялся и расширялся. Именно поэтому оказался в городке Б., чтобы посмотреть, нельзя ли там фабричку выкупить и большой модный магазин вместо фабрички открыть.

Был он человеком в делах решительным и напористо-грубым, а если уж совсем точно, жестким, и некоторые говорили, что у него снега зимой не выпросишь. И на людей посматривал этак — не замечая. Со всеми так. Крепкие и соленые слова и выражения так и летели во все стороны, если что не по нему.

Кое-кто, знавший его неплохо, но дел с ним не желавший иметь, не боясь, говорил вслух, что свое богатство Стрекозин нажил на горе и слезах других. Например, обобрал до нитки мужа своей сестры, обманул партнера, старинного друга, и едва не довел его до кладбища.

Не было в его жизни таких понятий, как родня, друзья, сострадание. Прижилось ныне такое мнение, что бизнес не терпит этого. Кстати, Стрекозин ведь так и поговаривал: «У бизнеса нет родни. Зарубите это себе на лбу».

Из черт-те чего и выросло состояние Стрекозина. И был он осторожным и бдительным, как лесной дикий зверь. И чтобы с кем-то там откровенничать — никогда, не в его манерах и привычках. Ходил среди людей как бык, с опущенной головой, и казалось, что готов забодать. Вроде и фамилия у него была какая-то легкомысленная, но, увидев Стрекозина, о стрекозах и мысли не возникало.

На здоровье, как говорится, не жаловался, но заметил, что, наверное, от переутомления сердце иногда прихватывало, слегка... Жена определила, что от недосыпания и слишком большой неумности.

Отпуск ему у себя было не выпросить, как понимаете, но отдохнуть-то можно было? Но Стрекозину вечно казалось, что расслабься он и его тут же опередят, обманут, затрут. Потому он в последние пятнадцать лет совершенно не пил, не курил, то есть не позволял себе расслабляться. «В курсах надо быть, в курсах» — вспоминалось выраженище из бойкой юности, когда Стрекозин всегда стремился быть первым, «быть в курсах». Он учился на спортивном факультете. Пригодилась спортивная закваска.

В крошечном городке Б. он стоял у гостиничного окна, которое полосовал ливень.

Начались обычные для этого времени года тайфуны. Дожди лились стеной, ветер ломал и валил деревья, вода вышла из берегов рек и размыва дорогу.

Стрекозину пришлось пережить непогоду в местной «фешенебельной» гостинице, которая отличалась малолюдьем, дороговизной и хорошей охраной.

Думал: день-два, и он выберется в Хабаровск. Дел было выше головы, как говорится, и он нервничал. Телефон так и прилипал к ушам, когда он передавал важные приказы.

Был не в себе от задержки.

Вот тут он вдруг почувствовал свое сердце. Оно показалось ему маленьким, тяжелым, колючим металлическим куском, похожим на свинец, что в далеком детстве плавил для рыбалки. И этот кусок стал неуправляемым, он бил больно, неожиданно, нестерпимо.

Стрекозин попробовал полечиться известным способом — выпил вечером водки. Казалось, полегчало.

На третью ночь ему приснился странный сон.

Будто бы он едет в машине в Хабаровск, а дорога, места все какие-то не те. Но он знает, что возвращается домой и боится, что не успеет. За поворотом мелькнула река, и дорога повернула к ней. И видно, что дорога на другом берегу среди зеленых холмов дальше убегает, а вот моста через реку нет, и похоже, что и не было.

Стрекозин туда-сюда, но и близко никакой переправы. Он был удивлен, не мог понять, а как же там — там, как дорога оказалась? Чтобы переправиться через реку — и думать нечего: широка, течение несет воды стремительно и с какими-то воронками, понятно, что и глубина у нее — не переедешь. Он всё пристальнее вглядывался в местность, но никаких примет того, что говорило бы о существовании моста, не было.

Однако странная прекрасная дорога на другой стороне смущала.

Как же, как продолжить путь?

Он проснулся в отчаянии — ну, не может перебраться через реку.

Снам он внимания не придавал. Вот и сейчас подумал, что уже и во сне покоя нет от дневных дел.

Наутро он уже все забыл.

А на небе и на земле — одно: ливни, ветер рвет, совершенно непроезжие улицы и дороги. Все размыло, осталось только ждать, когда утомится стихия, которой на время и деньги Стрекозина было наплевать, сколько бы он ни раздражался в нетерпении.

Чтобы как-то занять себя, вечером заглянул в казино. На другой день... на третий. Играл по маленькой, выигрывал, проигрывал. Но обратил внимание на одного человека, который садился за стол строго один раз — имея выигрыш неплохой, он все равно уходил, равно, как и проигрывая.

Охранник на замечание Стрекозина сказал, что тот раньше был сумасшедшим и не очень удачливым игроком, но, после того как сходил тут к одному шаману погадать, почему ему не везет, стал играть, как было велено.

А ловкий шаман, старик удэгеец, живший где-то на окраине городка или неподалеку от него, очень даже неплохой и давний гадатель, с духами общается. Все знает. И, между прочим, все сбывается, что ни предскажет.

Вот он и сказал игроку, что будет всегда при деньгах, независимо ни от чего, только играть должен один раз за вечер. За иные варианты он не отвечает, дескать. Глупо искушать судьбу.

— Народу к нему — со всех концов. За деньги он вас и без очереди пропустит, — закончил охранник. — Без денег он записывает, и ждут по году. Но кому хочется ждать, когда срочно надо узнать о чем-либо?

Стрекозин с сомнением выслушал.

— Шаманы — древние предсказатели, а нашему — верят, — убедительно тряхнул головой охранник.

Записав адресок шамана, тесно общающегося с духами и потому очень ясно видящего всю жизнь людей, Стрекозин решил к нему сходить. Вдруг появились у него вопросы, на которые он хотел бы знать ответ, да и вообще, что там впереди?

Хотя в себе и в своем бизнесе он был исключительно уверен. Так, скорее интереса ради, а может, от скуки. Телефоном сыт не будешь. Стрекозин все равно был убежден, что без него подчиненные непременно наворотили дел, устанешь разбираться и наказывать. Бесплезно было его в чем-то переубеждать и доказывать. Даже если бы они все сделали по его указанию, приехав, он все переиначивал.

Шаман, глубокий старик в пестром странном одеянии и с непроницаемым темным лицом и с такими же глазами, ответил загадочно так на вопрос, сколько стоит гадание:

— Сколько, господин незнакомый, дашь, столько и дашь. Видишь ли, мне сегодня положено с ними общаться и спрашивать, день такой. Так что мне все равно. Раз ты пришел, то спрошу и про тебя.

Он раскидал по углам какие-то карточки с непонятными знаками, развешал гаинственные тряпочки-ленточки, в общем, все, что полагается, чтобы заставить духов быть откровенными. Затем, монотонно ударяя в бубен, начал ходить сначала медленными короткими шажками, затем широкими и стремительными.

Стрекозин даже его лица уловить не мог в быстром мелькании. Будто юла. Наверное, шаман тоненьким голоском певуче что-то у кого-то спрашивал, а таким странным, горловым пением, тягучим и пугающим, отвечал на поставленный вопрос. Но Стрекозин все равно ничего не понимал. Хотя ему почему-то было не по себе, когда слышал гудящие и ширящиеся низкие звуки, идущие из горла, они действовали как гипноз.

Потом шаман резко остановился, дышал тяжело, минут тридцать молча сидел с закрытыми глазами, пот струился по темному лицу. Неторопливо снял все, успокоенно сказал равнодушным голосом:

— У вас, господин незнакомый, будущее... Врать и утешать не могу, потому и не буду. Скажу только, что вам отсюда надо уезжать скорее. Скверное будущее. Что узнал — то и говорю.

Как ни пытался Стрекозин уточнить, шаман более ничего не сказал, только повторял:

— Не теряйте времени, прошу вас... Сказано: — Уезжайте.

Почему-то впервые в жизни Стрекозин даже виноватым себя почувствовал, что гадалея заставил о неприятном говорить.

Затем пришел в раздражение. Знал бы — не гадал. Может быть, это все неправда — скверное будущее? Что это значит — скверное будущее? Теперь вот новые беспокойства. Как уедешь скорее, если дороги размыты, а мосты снесены водой или повреждены. И вообще, к чему все эти «скорее уезжайте»? Но почему-то тревога закралась в сердце некстати.

Он разозлился и на себя, и на этого шамана. Старался забыть эту чушь. Но нет-нет да всплывало.

Он внутренне забеспокоился, но всё прятал от других. Не подобает людям его положения из-за снов и гаданий переживать.

Но, мало ли что мы сознательно говорим, а с подсознанием у нас как?

Надо уезжать... Надо уезжать... А то что случится?

Во всем, что было задумано, знакомые влиятельные люди помогли.

Хотелось некоторые вопросы по фабрике уточнить, и на тебе — уезжайте!

Вернулся в гостиницу, решил не ждать, когда погода успокоится. Если надо срочно уезжать, так может ночью на поезде. Отвык он от поездов с их неторопливостью, суетливой публикой, с грязными и дорогими ресторанами и сомнительным постельным бельем, которое выдавали такие же проводницы со ждущими глазами.

Да, придется на поезде. Почему-то слова шамана теперь казались ему почти приказом — срочно уезжать. Он без шамана знает, в Хабаровске уже наворотили дел без него. Раздражение внутри росло.

Решил сходить к администратору, чтобы тот заказал место в купейном вагоне на ночной поезд. Поезда пока ходили, но курсировали и слухи, что вода подобралась на опасное расстояние к железной дороге. За окном по-прежнему ливни, словно небо прорвалось.

Стрекозин закрывал свой номер, когда из соседнего вышел мужчина средних лет, одетый с большим изыском и вкусом и с благородными манерами. Приветливо поздоровался с поклоном, несколько слов по-светски о погоде на улице, о том, о сем еще парой фраз перебросились. Незнакомец сказал, что ему тоже надо по важным делам в Хабаровск, но дорога испорчена, машиной нечего и думать добираться. Придется ехать на поезде.

Стрекозину понравились манеры господина из соседнего номера. Он успел разглядеть, что костюм у того куплен не за деньги из простого кошелька. С чего-то уважительно сообщил, что они, видимо, будут попутчиками.

Но сам себе удивлялся, он-то таким доверчивым никогда не был, осторожность — вот его черта, при коммерческих делах и огромных деньгах это вовсе не лишнее. Но незнакомец располагал к себе.

Решил, что надо выяснить, чем он занимается, может быть, и пригодится когда-нибудь. Похоже, господин его круга, а может, и выше. Иногда из вот таких встреч в провинциях получается неожиданно хорошее и важное продолжение.

Представьте, ни одной осторожной мысли у Стрекозина не появилось в отношении незнакомца, таким был тот истинно благородным, и о корыстном торговце даже забыл, так все получилось просто.

Спустились вниз в ресторан, посидели, довольные друг другом, тосты за здоровье произнесли. Обменялись мнением о городке, здешних и общих порядках и всяком таком, ни к чему не обязывающем.

Впервые Стрекозин вел себя без желания заполучить себе что-то от незнакомца, без выгоды. Зачем-то о детстве своем рассказывал, когда жили во Владивостоке, отец их бросил, мать целый день на работе, а он и младшие братья были сами себе представлены и развлекались, катаясь на колбасе трамвая, и как он спас среднего брата, когда тот чуть под колеса не попал.

Сроду не вспоминал, а вот теперь, улыбаясь, говорил внимательным глазам, в которых ни малейшего подобострастия или высокомерия. А Стрекозин по жизни привык либо к хамству высших, либо к подобострастию низших. А если ровня — то осторожность, осторожность и еще раз недоверчивость и осторожность. И сам был таким же. А тут все забылось. И вопросов ненужных не было, и затянутых пауз. Непринужденно побеседовали, вкусно пообедали и разошлись с приятным чувством.

Потом Стрекозин с удивлением понял, что ничего не узнал о незнакомце. Ни-че-го. Как так получилось? Не знает ни имени-отчества, ни фамилии, да и его имени тоже никто не спрашивал. А как же так сердечно могли общаться? Или при этом не имеют значения такие вещи? Кто вел нить беседы — Стрекозин не помнил.

Но почему этот господин застрял в его голове?

Стрекозин позже подошел к администратору гостиницы забрать билет на ночной поезд в город. Спросил между прочим:

— А господин из соседнего номера еще не выехал? Он тоже в Хабаровск собирался.

Администратор удивленно ответила, подняв круглые глаза, что в соседнем номере никто не живет и не жил. И что господин Стрекозин, видимо, ошибся, тот, о ком он говорит, вероятно, из других номеров. Но рядом... Нет-нет, рядом ни справа, ни слева никого нет.

Стрекозин подивился, извинился.

Что происходит?

На улице он смотрел на мокрые и тяжелые от дождя деревья, пузырящиеся мутные лужи и ежился от летевшей сверху воды. Незнакомый господин почему-то не выходил из головы, вызывал неприятное беспокойство. Потом Стрекозин решил заглянуть в кабинет местного мэра, старинного знакомого, который пообещал продвижение дела. Пообедал в ресторанчике и отвлекся. Пошел к себе, по дороге почти забыл про незнакомца.

А в номере уже звонки от помощников и заместителей — потеряли своего шефа. Раздражение затапливало его, как ливень. Металлическая болванка в груди снова bestолкло колодила и колола. «Ну никому ничего нельзя доверить и поручить», — злобствовал в нетерпении Стрекозину.

Метался по комнате от окна к двери, от двери к кровати, то садился, то вскакивал в суе, тыкал в кнопки телефона, пытаясь поймать своих подчиненных на какой-нибудь лжи или неуверенности в голосе, чтобы, сорвавшись, власть наорать, ядовито и витиевато. Таким он был всегда.

Через некоторое время услышал стук в дверь. Лощеный давешний господин вошел и сообщил, что дожди скоро пройдут, но дороги размыты, и вот он, билет на ночной поезд, администратор быстра, как молния. Показал Стрекозину. Уходить не торопился, продолжал:

— Мне, понимаете, тоже сидеть здесь некогда. Срочное дело, прямо невозможной важности.

Стрекозин, сам не зная отчего, отложил свой неумный телефон и, откашлявшись, спросил:

— А что за дело? Не могу ли я вам, так сказать, посильно помочь? Извините за назойливость.

И поражался себе — с чего это его на доброту и вежливость понесло против его воли? Разговор вообще выглядел весьма странным.

— Да вот, прибыл я сюда по заданию, велено кое-кого забрать сейчас с собой.

Стрекозин решил, что уже догадался, что это за господин и откуда. Уточнил, барабанив пальцами по столу:

— Так вы из этих... из органов?

Незнакомец быстро и странно глянул, помолчал и заулыбался через минуту:

— Нет, я по другой части. Но тоже, видите ли, приходится заниматься в некоторой степени подобными делами.

— И что же это за человек, если не секрет? — ну почему у Стрекозина еле заметно задрожал голос? Какого спрашивал?

— Нет, что вы, какие тут секреты.

Господин в прекрасно сшитом костюме вытащил из внутреннего кармана голубоватый листок с каким-то списком и подал Стрекозину, представив ему самому в нем разобраться. На первой строке стояла фамилия Стрекозин. Список был внушительным.

— Некого Стрекозлова с собою забираю.

— Но тут не Стрекозлов... Стрекозин. Моя фамилия... Это за мной, что ли? — растерялся Стрекозин. Но в своей обычной манере грубо и с напором спросил:

— За что же меня и куда, узнать-то можно? Да... Документики у вас есть?

Незнакомец совершенно не обратил внимания на тон Стрекозина. Он словно на ходу решал какую-то сложную задачу, и потому его манера говорить была медленна, беспристрастна, но крайне почтительна к собеседнику. А глаза — не уйти от них.

— Извините за Стрекозлова. Невнимательность непростительная. Документики-с... Хм... Документики... Что в них? Документики — ерунда, верно?

Видите ли, вы общаетесь с Духом. Не пугайтесь, прошу вас. Я чиновник Четвертого Уровня Иного Мира. По душам человеческим... Чей путь на земле, так сказать, окончился. И забираю их с собой. Я — за вами. Да не пугайтесь. Что вы так, честное слово. А ведь вы произвели на меня впечатление, гм... Но ваша жизнь... Гм-гм...

Стрекозин подумал, что спятил. Но кто объяснит, почему он поверил этому обстоятельному господину? Однако все так же, как он и мог, продолжал:

— Что-о? Кто-кто? Пстой... Не понял. Что за дичь несешь-то? Извините. Да я же еще живу. Да кто вы такой, и шутки у вас ду... Мы с вами вот — разговариваем. Что за чушь?

Господин не обиделся, нет. Он помолчал и как-то неотвратимо твердо ошарашил Стрекозина:

— Э-э... Нет-нет. Вы должны нынче, а точнее — сейчас, умереть внезапно, от сердца. Видите ли, не сердечными делами вы его сломили раньше времени. Думаю, вашей жизни пришел конец. Разве ВЫ ЭТОГО не чувствуете? Хожу тут возле вас два дня для чего? И знайте — МЫ НЕ ШУТИМ, господин, э-э, Стрекозин.

Впервые в жизни Стрекозину стало не по себе. Что-то темное и непонятное словно надвинулось на него, и он вдруг понял, что плачет. Он, Стрекозин, не мог сдерживать слез, умоляюще просил не разыгрывать его. А то прорывалась уверенность в ином — и шептал:

— Скажи, кто решил меня убрать? Может, договоримся? Это не шутки.

И он не совсем понимает, о чем идет речь, нельзя ли его оставить в покое, он не мальчик и все прочее. Да-а-а...

Благородный господин тоже изменился, в нем появилось что-то неуловимо холодное, и хотя он по-прежнему говорил почтительно, но это почтение было ледяным. Стрекозин понял, что с ним не шутят.

— Вы меня извините, э-э, господин Стре... козин. Что за просьбы? Меня тоже контролируют, знаете ли. Так что ничего не поделаешь.

Стрекозин поверил всему, что происходило. Но он-то чувствовал себя пока живым. Молчал какое-то время, но ни мысли в голове, так, какая-то шебаршняя эмоция.

Вдруг начал умолять придумать что-нибудь, не сегодня забирать с собой. Мол, только жить-то начал по-человечески, только дела пошли по-настоящему, только-только вкус жизни почувствовал.

Лощеный господин был, что называется, весь внимание. Затем поправил шляпу, произнес задумчиво и откровенно, как-то по-свойски, что ли:

— Надо посмотреть. Вообще-то в списке много имен. Пока буду остальных собирать да тащить, потребуется время. Тут вот один уже давно мучается, умереть не может, с него и начну, пожалуй. А ты... Ну что тут можно? Ну если только так...

Вот что, брат, езжай в Хабаровск, да распорядись, что нужно сделать после твоей смерти. Завещание там составь, что там еще? Людей подходящих подбери на продолжение своего дела, сам понимаешь, с собою ты ничего не возьмешь. Так если попробовать... Когда все сделаешь, я приеду за тобой. У нас память всегда настоящая. Но на всякий случай вот тебе мой телефон: два длинных, два коротких, позвонишь.

Господин положил на стол обыкновенный простой мобильник.

— Что два длинных и коротких? Что это за номер такой? Зачем это?

Растерянный впервые в жизни, Стрекозин плохо сообщал.

— Это к нам. Точнее — ко мне. И попрошу тебя, будешь звонить, не говори слова «дух», «иной мир» или что-нибудь в этом роде. Мой начальник очень не любит, когда мы вот так с вами, накоротке, запросто. Наберешь и скажешь: приезжай. И все. Понял? Только разве этим я могу тебе помочь и отсрочить. Видишь ли, хочется мне тебя отблагодарить за твое хорошее отношение. Свысока при твоём положении не глядел на меня. А кто я был? Никто, да? Ты ничего не знал обо мне. А я это очень ценю, да-да.

Стрекозин не слушал, пораженный. Трогал левый бок — нет, сердце пока бьется ровно и нормально, болванка исчезла куда-то. Да ничего такого он не чувствовал. Кроме недоумения.

Они ехали в ночном поезде в одном купе, Стрекозин был задумчив, а господин Дух, если можно так сказать, прост и естественен.

— Я хочу спросить у вас, — все еще в сомнениях начал Стрекозин. — Вот вы говорите, что вы дух, а непохоже. Дух разве виден? Дух бестелесен. Духа я не должен видеть! Не должен! Как понять вас?

Господин негромко хохотнул:

— А-а, это... Не все так примитивно, брат. Ну, приходится гримом пользоваться. Если я здесь в облике человека, то, сам понимаешь, ничто человеческое не обходит стороной, хе-хе-с... Вы себе не представляете, сколько нас среди людей ходит. И кто заметил?

Он вытащил белоснежный платок и со вздохом потер немного лоб. Лба не стало. Пустота, ничего между бровями и шляпой. Виднелась зеленая стенка за спиной. Видя недоумение, потер нос, рот... Лицо пугающе исчезало. Стирая грим, стирал свой человеческий облик.

— Да не пугайтесь. Что вы так. Сейчас мы все восстановим. Каким себя рисуем, таким для вас и будем. Разве это для вас ново, господин Стрекозин?

Он достал гримерную коробочку, несколько штрихов — и опять приятная внешность и благородные манеры.

Состояние Стрекозина было подавленным. И еще почему-то он понял, что от этого духа, или кто он там, никуда не убежишь. Было в нем нечто такое, что заставляло Стрекозина и слушать и слушаться. А этого он ведь никогда не умел. И не встречались такие на его пути к большим деньгам и власти.

Ночь рассеивалась. Дождь прекратился, но бедствие продолжалось.

Мелькали за окном поля, залитые водой, дороги для автомобилей не было во многих местах, виднелись брошенные ползатопленные машины. Переполненные реки срывали мосты, мешающие их потоку.

Они смотрели на бедствие, и Стрекозин вдруг вспомнил сон, где через реку не было моста. Почему? Вроде наводнений там не было... Что-то смутно мелькало у него в голове, но он не мог никак определить это на твердую почву.

Господин, как-то искоса смотревший на Стрекозина, но при этом от его глаз уйти было невозможно, вдруг сказал:

— Вот что тут мелькнуло у меня. Вы все равно едете умирать. И как бы ты не распорядился, тебе уже ничего не надо, верно? Да что ты так смотришь? Была не была. Но я что придумал? Сейчас я свяжусь кое с кем, уточню кое-что, может, это повлияет на твою судьбу.

Он отвернулся, и коммерсант, заледеневший от слов странного господина, услышал звуки — будто азбука Морзе. Дух с кем-то очень тихо говорил, слышалось «Можно, да? Я тогда к одному здесь сначала — он уже третьи сутки умирает... А этого чуть... А-а... Так вы уже решили? Так и сказать? Знаете, и я хотел... Да-да... Так и скажу. Хорошо...» Повернулся, смущенный, к Стрекозину:

— Ну, все, решено. Договорился. Может, это и повлияет на твою отсрочку. От тебя уже зависит. Предлагают тебе на свои деньги восстановить и отстроить все разрушенные тайфуном мосты и дорогу поправить. Все польза будет людям. Тебе, конечно, это будет хлопотно, накладно.

Но никто не говорит, что тебе это не зачтется. Сейчас-то ты должен на четвертый уровень попасть. Извини, но это уровень так себе, низковат, если прямо — ниже и гаже уже некуда. Сплошная мука на вечные времена. Не пойму, за что тебя туда. Им, конечно, виднее. Но ведь ОНИ и предложили. А сделаешь, что просят, глядишь, и повыше переведут, а это совсем иное. Грехи, брат. Они тянут вниз, как камни. Теперь все только от тебя зависит... шанс дают, как я понял.

— Что? Мосты... Дороги... мне? И для кого это? И на мои деньги? У меня нет де...

— Господин Стрекозин, вам пожить еще хочется, я так понял? Или у вас есть варианты? — произнес господин нечеловечески ледяным и все же почтительным тоном.

Стрекозин был как в тумане от услышанного, но ухватился за предложение — сердце в левом боку вдруг отчетливо заявило о себе короткими большими ударами.

Приехал домой злой и в раздражении какое-то время все перебирал в памяти происшедшее. Да кто он такой этот Дух, понимаешь, безымянный господин, чтобы указывать ему, Стрекозину? Испугался непонятого — Духа... Стрекозин, ты способен верить в духов? Чуть... Бред... Знаем мы этих Духов. Пугает — кого?

Пуганый — не пересчитать сколько раз. Еще узнаю, чьи это вылазки. Ему никто не указчик. Скажите, пожалуйста, на свои деньги восстанавливать дороги и мосты? Для кого? Он что — козел отпущения? Какой-то розыгрыш, скажем прямо, так смутил непоколебимого Стрекозина, что он поверил и в панику?

Злобно смеялся, потирал левый бок, не замечая этого.

Стрекозин отвлекался своим привычным способом — нагоняи и разгоняи подчиненным, испытывая наслаждение от унижения нижестоящих. Отборные слова и выражения, сверкание глаз из-под нахмуренных бровей, или, напротив, делал вид, что не видит рядом стоящего и не слышит вежливых обращений, а затем грубое: «Чего надо? Что, не видишь, занят я!» Насмешки, оскорбления и угрозы уволить к чертовой матери так и сыпались по сторонам, да и как еще с ними, с этой бес-толочью. Да и вообще, своим деньгам — он хозяин и никто!

Решил так твердо. И забыл о своей панике и духе. Постой-постой... Он же постоянно говорил «брат, братец». Ах ты Дух! Кто же ты? Надо справки наводить. Надо.

Садился в машину, чтобы поехать в банк, вдруг острое шило пропоролло грудь слева, и Стрекозин словно провалился в черную пропасть.

Его отходил Никитин, водитель, но почему-то, когда Стрекозин открыл глаза, ему показалось, что у водителя лицо того Духа было. Пахло валерьянкой, какая-то таблетка во рту. Вгляделся в Никитина — да нет же, показалось.

— Сергей Николаич, вам как, полегчало? К врачу надо, вы себя не жалуете, Николаич.

Почему у него голос Духа? Стрекозин закрыл глаза.

— Давай домой, без тебя знаю, что делать. Ты свое делай, — грубо оборвал он Никитина.

Водитель вдруг обернулся, и вновь блеснули внимательные глаза Духа, и его же почтительным, но знакомым ледяным голосом было сказано:

— А Я СВОЕ ДЕЛО И ДЕЛАЮ.

Что это? Стрекозин вглядывался в Никитина долго и с холодком внезапного страха внутри. Такого еще не было.

На другой день собрал родных, помощников, юристов, сообщил, запинаясь, что решил дороги и мосты отремонтировать, а то и поездом скоро не доберешься. Велел все выяснить, подсчитать, не оставляя без внимания ни одного мостка и кривой объездной дорожки.

Удивленные помощники вглядывались в него, стараясь понять, что произошло. Таким он никогда не был. За эти несколько часов он потерял самых верных людей, приобрел несколько новых заклятых врагов, услышал откровенные признания в его идиотизме и сумасшествии. С ним расторгли очень выгодные договоры и сделки. Но он был удивительно твердым и никому ничего не объяснял. Только одно — дорог нет, ездить не по чему, как вести бизнес? Россию погубило бездорожье и в самом широком смысле слова, и в самом узком. Все вокруг не узнавали Стрекозина. А он видел заgrimированное лицо господина, сотрешь грим, а там — беспощадная пустота, о которой эти не знают.

Жене рассказал почти все.

Она изумленно округлила глаза и спросила, не слишком ли доверчив и глуп стал Стрекозин. Поверил какому-то сумасшедшему.

— Знаешь, мне, оказывается, сон приснился... нечто подобное, — вдруг вспомнил и рассказал все Стрекозин. — Разве не совпадает многое? А сердце... разве не прихватывало? Нет, это не сумасшедший. Явление, конечно, странное и необычное, но что мы знаем о той жизни? Может, я и был на краю, да вот помогли мне, так сказать.

Все делал, как предложил дух. Поначалу от нежелания свои капиталы тратить на восстановление каких-то дорог и мостов он злился на всех. Но хотелось пожить на этом свете, а не на каком-то там Четвертом, завалившем уровне — гаже не бывает — оказаться. А денег он всегда заработает. Многие удивлялись предпринятым Стрекозиным шагам. Были всякие разговоры. Но тот не обращал внимания, что соответствовало его сути.

Прошло порядочно времени, но никто за Стрекозиным не являлся. Он не знал, что и думать. Может, позвонить? Жена же сказала:

— Ты что, больной, напрашиваться? Надо будет, сами позвонят или объявятся. Чего торопишься? Живи и не дергайся.

Однажды приехал домой после всяких важных дел усталый и удовлетворенный — все шло еще лучше, чем раньше, и увидел в комнате того самого Духа. С женой Стрекозина пил чай, пахло ванильным тортом, что-то смешное, представляете, рассказывал, и вел себя в его манере — благородно и просто.

Стрекозин внутри как-то поник. Но понял, что жена ничего не знает, так как она сказала:

— А тебя здесь по важному делу ожидают... — и вышла.

— Я, господин Стрекозин, передал нашему начальству о вас, ваших необыкновенных подвигах-делах — мосты, дороги и все прочее... Наш начальник доложил об этом в Высшее Управление. И там, знаете, что ответили? — значительно так говорил Дух, прихлебывая чай. — Что за ваши дела можно вам и продлить жизнь. Заслужили отсрочку от смерти.

Стрекозин изумленно открыл рот. А Дух вытащил список:

— Гляньте-ка, недоверчивый вы мой. Ваше имя вычеркнуто, видите? Конечно, признаюсь, я не ожидал от вас такого. Не все так ведут себя перед переправой. Сон-то помните? Хм-хм... Так вот... Одни начинают несвойственным им образом куролесить, вино, женщины до изнеможения, беспутные траты всего нажитого. Кто наоборот, прячет, чтобы никому не досталось, потом периодически проверяет. Про привидения, что клады караулят, слышали, ведь? А? Чего не увидишь только. Как-то своеобразно понимают жизнь. Но это не к делу. В общем, вы заслужили отсрочку, о чем, так сказать, имею честь сообщить вам. А вот на сколько вам отсрочили — не могу сказать.

Стрекозин был полон чувств, растерянно принял благодарить, готов был на любой подарок, но только Дух усмехнулся — о каком подарке речь.

— Вы мой телефончик возьмите, — просил Стрекозин благородного Духа. — Вдруг что-нибудь изменится. Сообщите мне, чтобы я хоть как-то подготовился к вашему... приходу.

— Не надо ничего. Он приготовится... Хм, нам бы кто заранее сообщил, а то накануне. Это же не... Кстати, попрошу, вот теперь мне не надо звонить. Меня можешь погубить этим, браток, понял? Да не пугайся ты так.

Ну, я по делам, а ты давай — живи, живи пока. Если буду как-нибудь рядом, может, заскочу, проведу. Да без списка. Просто так посидим, поговорим, как там, в Б., помнишь? Не откажешь в чашке чая? Пойми, всего не скажешь.

Простился и исчез.

Стрекозин с того времени даже увлекся благотворительностью, не жалел денег. Он по-прежнему никому ничего не рассказывал о причинах изменения своих прин-

ципов. Ни к чему, как понимаете. Все, кто его знал, поражались таким изменениям в нем. Совершенно другой человек.

Однако... однако все минует.

Прошли дни. Никто не тревожил Стрекозина. Жена сказала со смехом:

— Вероятно, тебе все приснилось. Чего мы будем тратить свое с таким трудом нажитое на какие-то мосты и, прости господи, восстанавливать захолустье. Не мы же его таким сделали. Да и эти халявщики — как надоели своими приходами и просьбами. Успокойся. Ни к чему нам такие траты. У нас своих расходов хватает. Лучше купи виллу детям на Майами, вон Карпов, твой конкурент, как же радуется твоим странным косякам.

Стрекозин подумал, решил, что действительно, зачем капитал тратить на какие-то мосты, гранты и фонды. Испугался... И где он, господин Дух, посланник с того света? Нет, как он там вещал? Иного мира.

И опять Стрекозин поражался, что НИ-ЧЕ-ГО! Нет ему ничего такого. А через месяца два-три пришла зима, и он думать забыл про городок, ливни, мосты и все остальное. Ни к чему, сами понимаете.

Было радостно стать обратно таким, каким его боялись, ненавидели, перед которым заискивали, открывали тайные двери, кому льстили, чьи глаза не знали тепла и участия.

Да пошло оно все! Я так и скажу этому... Тьфу на него! Вот запал-то в голову. Кто-то меня так разыграл, что я, дурак, чуть было не поверил и не повелся? Вот разыграл.

Правда, в его кругу таких артистов не было. Но Стрекозин знал, что сценарий придумывают одни, воплощают в жизнь другие. Исполнить могут третьи.

— И я поверил...

Долго он смеялся над собою. И больше об этом никому.

Никому о том, чего страшился по ночам, ждал каких-то звонков, встреч. Время шло, и никто не напомнил о том августовском дне, о взятых обязательствах — мосты, тоннели, дороги. Он прекратил всю эту возню, сославшись на отсутствие денег. Извините, господа, впору самому искать спонсора. Спонсором не могу быть.

Да и спонсор даром и копейки не даст. Как некоторые понимают все буквально. Кто такой спонсор? Да у этого слова миллион значений.

Это и благодетель, и даритель, и покровитель, и милостивец, меценат, черт возьми, скорая помощь, золотой рог изобилия и кредитный банк, дающий под хорошие проценты, тот, чья рука не оскудевает, и добрый дядя, наконец!!! Но не все сразу. Слово спонсор в разных ситуациях означает порою такие далекие — от неба до земли — понятия. Ньюансики!

Да мы вообще не понимаем друг друга, хотя говорим на одном языке. Вы говорите спонсор, и я слышу это слово, но подразумеваем-то РАЗНОЕ. Вам на халяву хочется заполучить. А я просчитать должен всю прибыль от той убыли, что пойдет вам на халяву. Да. Вот так все хитро у нас. Спонсором никто даром и в ущерб себе не будет, а я испугался, увидел одно только значение.

Это не язык, а загадка, которую еще отгадай.

Что там мне сказали? Я попытался разгадать, подумал? Дурак, потратил сколько... Мосты строил, дороги бетонировал. А что буду иметь? Моя жизнь не деньгами в банке, не днями и годами меряется, а километрами отстроенных дорог? Ладно, пусть. Пусть радуются тому, что я понял значение слова однобоко, кое-что сделал, и повелся на этого... артиста. Тьфу, вспоминать его неприятно. Ну и ну...

Неприступный, набычившийся еще больше прежнего Стрекозин совсем обнаглел, богател, богател и ничего не боялся.

Но было... нет-нет да взглянет на загадочный номер — два тире и две точки...

Однажды выпил лишку, развезло его, и ни с того ни с сего захотелось ему ТОМУ доброму господину — Духу — позвонить. Особенно не размышлял, зачем звонит. Нашел странный номер, набрал все эти тире и точки.

Кто-то в ухо вдруг очень холодно, нечеловеческим, ледяным голосом, от которого все внутри буквально помертвело, сказал в гудящем необъятно-страшном пространстве:

— Вы — Ошиблись — Номером.

И телефон отключился. Сломался!!!

Стрекозин сразу отрезвел от такого голоса и ответа. Больше никогда не помышлял о звонках. И, если честно, гнал он от себя то, что лезло в голову помимо его воли.

Но если бы кто заглянул в его записную книжку, на страничку с буквой Д, то что бы там понял? Ничего. На букве Д стояли лишь два тире и две точки.

Вот так: «Д — — . . ».

И для чего сохранил, спросить бы его? Еще одной отсрочки от смерти хотел?

